

А. В. Корчагина

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АРХЕТИПИЧЕСКОЙ
СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ «СВОЕ – ЧУЖОЕ»
В РАССКАЗЕ МАРИНЫ СТЕПНОВОЙ «ВАРЕНЬЕ ИЗ КАКИ»

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 11.12.2025 г.

Принята к публикации 27.05.2026 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2026-3-5

48

Для цитирования: Корчагина А. В. Репрезентация архетипической семантической оппозиции «свое – чужое» в рассказе Марины Степновой «Варенье из каки» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2026. №3. С. 48–56. doi: 10.5922/vestnikpsy-2026-3-5.

Предметом рассмотрения является динамика языковой реализации архетипической семантической оппозиции «свое – чужое» в контексте рассказа Марины Степновой «Варенье из каки». Рассматривается смысловое наполнение и взаимодействие компонентов оппозиции «свое – чужое» в тексте рассказа, выявляется ключевая роль ее противочленов в формировании содержательно-концептуальной и подтекстной информации произведения. На основе лингвопоэтического анализа экспликаторов «своего» и «чужого» в рассказе с заглавием-загадкой «Варенье из каки» делается вывод об иллюзорности / невозможности конвертации «чужого» в «свое» ценой подавления собственной национально-культурной идентичности, отречения от природного «своего».

Ключевые слова: архетипическая семантическая оппозиция, «свое – чужое», заглавие-загадка, содержательно-концептуальная информация, лингвопоэтический анализ

Введение

Семантическая оппозиция «свое – чужое» относится к числу архетипических: универсальность и вневременная значимость делают ее неотъемлемым элементом философско-онтологических исследований двучленной организации мира.

Описанию семантики и взаимодействия противочленов оппозиции «свое – чужое» посвящена обширная научная литература. Так, согласно лексикографическим данным, **свой** – «1. в знач. суц. **свое** – “что относится к самому себе, непосредственно связано с собой”; 5. “родной или связанный близкими отношениями, совместной работой, общими убеждениями и т.п.”» [10, с. 55]; **чужой** – «2. в знач. суц. **чужое** – “то, что принадлежит другому, что свойственно другому (вещь, дело,

мысль, желание и т. п.)"; 3. "неродной, не связанный близкими отношениями, общими взглядами и т. п." <...> 6. "не являющийся родиной, относящийся к другому государству, стране"» [10, с. 693].

Как отмечает Л. Н. Виноградова, оппозиция «своего» и «чужого» «осмысливается в категориях разноуровневых связей человека: кровнородственных (свой — чужой род, семья), этнических (свое — чужое племя, народность, нация), языковых (родной — чужой язык, диалект, говор), конфессиональных (своя — чужая вера), социальных (свое — чужое сообщество, сословие, коллектив)» [3, с. 17]. Данная оппозиция напрямую связана с понятием границы как «средством идентификации "своего" пространства, разграничивая не столько "физические" и географические пространства, сколько социумы в широком смысле этого слова» [6, с. 16]. Как известно, «всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее ("свое") пространство и внешнее ("их")» [8, с. 175]. Оппозиция «свое — чужое», нося универсальный характер, естественным образом встраивается в систему миропонимания, «является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [11, с. 126]. Разграничение «своего» и «чужого» происходит благодаря «сформировавшейся внутри общества психологически неосознаваемой формальной ориентации, залегающей глубоко в подсознании носителей языка» [13, с. 153]. Оппозиция «свое — чужое» функционирует не только на уровнях научного и повседневного сознания, но и в пространстве художественного творчества, в том числе в литературных текстах.

В прозе современной писательницы Марины Степновой, чье творчество на сегодняшний день изучено не в полной мере (что дает нам право говорить о новизне и актуальности настоящего исследования), представлена своеобразная интерпретация рассматриваемой оппозиции. В качестве материала для исследования нами избран рассказ «Варенье из каки». Как известно, заглавие как «компрессированное, нераскрытое содержание текста» [4, с. 133], его «смысловой фокус» [15, с. 144] выступает связующим звеном между условно-реальным миром художественного текста и реальной действительностью [2]. Вследствие этого при первочтении рассказа «Варенье из каки» реципиент затрудняется семантизировать его заглавие, поскольку в грамматически нормативной и продуктивной синтагме *варенье из каки* (N₁ праер. N₂) нарушен закон семантического согласования: варенье можно приготовить из ягод, фруктов, орехов, даже роз, но его нельзя сварить из *каки*. Опираясь на фоновые знания, каждый русский с детства знает, а толковые словари фиксируют, что *кака* — это «детское фи, бе, вя, гадость, скверность, грязь, помет» [5, с. 693]; «кал, нечистоты, грязь, гадость. Употребляется в детской речи или в разговоре с детьми. *Не смей трогать, это кака!*» [14, с. 246–247]. Поэтому читатель изначально воспринимает заглавие «Варенье из каки» не только как заряженное негативной оценкой, но в первую очередь как абсурдное, нелепое. Это заглавие препятствует реализации прогностической, персуазивной и аттрактивной

функций имени текста. Мотивация выбора автором такого заглавия-загадки остается скрытой до финала повествования, до стадии возвращения [7, с. 85] к имени текста в процессе рефлексии читателя над содержанием рассказа, реализующимся в единстве заглавия как предтекстового (рамочного) элемента и собственно текста.

«Чужое» как пространство мечты

Сюжет рассказа «Варенье из каки» разворачивается в маленьком городке солнечной Тосканы, куда из России переехала жить молодая супружеская пара, совершенно очарованная этим райским уголком. При первом визите в Италию герои рассказа чувствуют себя чужаками, перешедшими границу между «своим» и «чужим» и обреченными преодолевать барьеры, препятствующие освоению чужого пространства, первым и главным из которых для них является языковой барьер. В контексте рассказа он функционирует как граница, отделяющая «своих» (говорящих по-итальянски) от «чужих» (не владеющих итальянским языком). Как известно, при отсутствии у собеседников общего языкового кода полноценная коммуникация не представляется возможной. Говоря о невозможности речевой коммуникации русских туристов и жителей Италии, автор прибегает к приему персонификации географической области Италии — Тосканы:

Тоскана была отчаянно недоступная. И немая. Совсем немая [12, с. 153].

Экспрессивное лексическое средство — необычное сочетание слов *отчаянно недоступная* — свидетельствует о крайней степени закрытости для героев нового для них и пока еще чужого, непознанного культурного пространства. Немота прекрасной Тосканы абсолютна (что подчеркивается двукратным точным повтором лексемы *немая*), так как герои не знали итальянского, а *никто в деревне не говорил по-английски* [12, с. 153]. Наречие меры и степени *совсем (совсем немая)* подчеркивает катастрофичность коммуникативной неудачи, постигшей русских туристов. Непреодолимость языкового барьера обусловила их социальную изоляцию. В свой первый приезд влюбленные в Италию, но «безъязыкие» герои остро чувствуют и переживают свою полную исключенность из жизни социума маленького тосканского городка:

Вокруг улыбались, шумели, компаниями усаживались подкрепиться — с младенцами над и толстыми лабрадорами под столом. Жестикულიровали живо, будто дирижировали окружающей жизнью, но всё — мимо них, не для них, сами для себя. Даже местные коты не удостоивали их поглажкой, даже коты [12, с. 154].

Местоименный ряд *мимо них, не для них, сами для себя* четко выражает отчужденность итальянцев, живущих *сами для себя*, от наших героев. В начале рассказа главным персонажам, ощущающим Тоскану как не-

достижимый *рай*, позволено лишь созерцать *отчаянно недоступную* и прекрасную Италию, но отказано быть участниками жизни итальянского населения городка.

Однако изначально чужое, немое, но безусловно привлекательное лингвокультурное пространство Тосканы постепенно перестает быть чужим и чуждым, начинает восприниматься героями рассказа как свое. Каким же образом это происходит?

Этапы освоения и присвоения «чужого»

Желая стать своими в итальянском сообществе городка, наши герои ставят своей целью выучить итальянский язык:

Самоучители, уроки, развешенные по всей квартире желтые липкие стикеры. На каждом — итальянское слово — как винная ягода, спрятавшаяся под шероховатым листом. *Io sono. Io sono innamorato. Tu sei. Tu sei tutto per me* [12, с. 154].

В переводе на русский: «Я. Я влюблен. Ты. Ты для меня все». Появление в рассказе коммуникативно ориентированных фраз на итальянском языке свидетельствует о решимости героев рассказа научиться говорить о любви к Тоскане на ее языке. Так они проходят первый этап освоения и присвоения «чужого», их старания увенчиваются успехом: *На Рождество Тоскана заговорила* [12, с. 155]. С этого момента герои начинают активную коммуникацию с местным населением городка: провизор, местные старушки, хозяин ресторана — со всеми молодая супружеская пара радостно вступает в речевой и эмоциональный контакт:

Провизор спросил их о чем-то, они... ответили и уже не замолкали — до вечера, до счастливой одышки, до хрипоты [12, с. 156].

Окрыленные коммуникативной удачей, молодые люди не замечают в потоке речи местных старушек тревожный прогностический сигнал, который не пропустит проницательный читатель:

Племяннице старушки принадлежали обе ювелирные лавки, а муж племянницы сбежал на кладбище — негодай, бросил девочку с тремя детьми, впрочем, что с него возьмешь? Француз, иностранец, на него с самого начала не было никакой надежды [Там же].

За анекдотичностью сказанного старушкой кроется сообщение о том, что иностранцу, отцу трех детей итальянки, не удалось стать своим — заслужить доверие и уважение (хотя бы посмертное) итальянской родни.

«Свое» становится «чужим», «чужое» — «своим» (?)

Следует подчеркнуть, что стиранию коммуникативной границы между нашими героями и итальянцами сопутствует возникновение разделительной линии, маркирующей отчуждение героев рассказа от

соотечественников. Как пишет В.Г. Лысенко, «чужой — это не обязательно инородец, им может быть и член группы, который выбивается из общей массы по самым разным причинам, начиная с какого-то телесного увечья (инвалидности), манеры одеваться, кончая образом мысли» [9, с. 96].

В рассказе происходит переворачивание оси культурных координат: «свое» воспринимается героями как «чужое», а «чужое» кажется «своим». При этом категория «новое свое» неизбежно актуализирует семантику посессивности и положительной оценки, а «старое свое» семантику принадлежности утрачивает и получает крайне негативную оценку. Грамматическими экспликаторами лингвопоэтического приема переворачивания противочленов оппозиции служат притяжательные местоименные слова *их, наш, свой*:

По деревенской продуктовой лавке (по их деревенской продуктовой лавке!) мчит, громыхая копытами, семейство. <...> Зачем топчете наш простодушный рай? [12, с. 152].

Провалитесь в свой уродливый ад... [12, с. 153].

Это был их городок. Больше ничей. Только их [12, с. 155].

Такое ревнивое отношение к будто бы обретенному лингвокультурному пространству не могло не породить чрезмерную эмоциональную реакцию на любого, кто станет «претендовать» на присвоенную территорию:

Каждый считает, что вправе любить ее [Тоскану] — не только они. <...> Толпы туристов, шарканье ног, ор отвратительных голосов. Чужие руки. Жадные, глупые, неумелые [12, с. 152].

Парадоксально, что оппозиция «тосканцы — соотечественники» в рассказе выступает изоморфной оппозиции «свой — чужой»: тосканцы — свои, все итальянское — свое; соотечественники — чужие, все ценимое соотечественниками — чужое. Проиллюстрируем сказанное на примере применения лингвопоэтического приема контрастного противопоставления итальянских и неитальянских гастрономических деталей:

«Наташка, вино взяла? Да ну, кислятину эту, я в ней не разбираюсь! <...> Пекорино брунелло, овальная даже на вкус моцарелла, кабачки колбаски, порчини — мимо, читатель, мимо. В тележке подпрыгивают седые от ужаса свиные отбивные, картошка, ждущая часа, чтобы стать free... Самка проносится мимо рядов зеленоватого *frizzante* и хватает литровую бутылку польской водки [12, с. 152].

Как видим, микрополе, объединяющее характерные для Италии продукты питания и напитки (*пекорино, вино Brunello di Montalcino*, которое подают к *пекорино, моцарелла, порчини*), отчетливо противопоставлено микрополю номинаций продуктов и напитков другой, неитальян-

ской культуры питания (*седые от ужаса свиные отбивные, картошка, ждущая часа, чтобы стать free, литровая бутылка польской водки*) как изысканное — примитивному, грубому.

В «семейном портрете» соотечественников, совершающих набег на итальянскую продуктовую лавку, изобилуют зооморфные черты: глава семьи именуется *самцом*, его жена — *самкой*, а их дети — *детенышами*. Негативная оценка людей-животных усиливается употреблением таких характеризующих синтагм, как *зычный рев, громохвая копытами*. Устами героев рассказа их соотечественники именуются гуннами (в переносном значении гунны — «агрессивные варвары»).

Кроме того, эта отчужденность проявляется посредством использования императивных модальных конструкций, эксплицирующих проклятия (*будьте прокляты, провалитесь в свой ад*), адресатами которых являются соотечественники. Твердое намерение героев рассказа обрести в Италии *настоящую родину* взамен той, *в которой угораздило родиться*, побуждает их к отказу от своих корней. Стремление подавить, «выкорчевать» собственную национально-культурную идентичность достигает кульминации в ритуальных фразах отречения от родного языка:

Чур, прочь, отрекаюсь, отрекаюсь, отрекаюсь, даже от родного языка своего, от этого надоедливового сатаны [12, с. 153].

Кошунственная перелицовка чина отречения от сатаны («отрекаюсь, от тебя, сатана, и всех дел твоих») в уподобление родного языка сатане может трактоваться как греховный речевой акт или даже как демонстративное духовное самоубийство.

Иллюзия обретения новой национально-культурной идентичности

Герои рассказа декларировали отречение от родного языка, не осознавая нерасторжимости своей связи с ним, неотменяемой потребности в нем. Так, несмотря на шокирующий отказ от родного языка, герои не только продолжают общение на нем, но и мыслят с позиции именно носителей русского языка и соответствующего лингвокультурного опыта: они восхищаются, умиляются, удивляются, сердятся, смеются и плачут по-русски.

Финальным эпизодом рассказа (сильной позицией текста) является описание курьезного случая в местном кафе накануне Рождества. Перейдя к десерту (паннакотте с вареньем), героиня ощущает вроде бы знакомый, но странный своей неочевидностью вкус варенья:

— Яблоки? — спросила она, стараясь не делать ошибок и выдержать правильную интонацию. — Это ведь яблоки, Массимилиано, да?

— Нет, — ответил Массимилиано. — Это не яблоки. Каки. <...> Нет, не айва, синьора, говорю же — это каки. Варенье из каки.

<...> Каки оказались хурмой [12, с. 159].

Итальянское слово *saso* (мн. ч. *sachi*), услышанное русским ухом, созвучно русскому разговорному слову *кака*. Наши герои невольно, автоматически приписывают плану выражения услышанного звукового комплекса то содержание, которое присуще ему в русском языке. О «каках» они мыслят с позиции именно своего родного языка, своего языкового опыта. Отсюда и их смеховая реакция на прозвучавшее итальянское слово:

Они не стали гулять, понеслись домой, толкаясь, как дети, помирая со смеху и строя немыслимые предположения [12, с. 159].

Итак, случайное созвучие разноязычных слов позволило автору дать рассказу ребусное заглавие. Читатель, не склонный к интеллектуальной рефлексии над художественным текстом, улыбнется словесной шутке и не станет задаваться вопросом о мотивации «закольцовывания» заглавия и финала рассказа. Рефлектирующий читатель задумается о мотивации такого авторского приема, и поможет ему в поиске ответа на вопрос последнее высказывание хозяина кафе:

— Надоели эти русские, — сказал вдруг Массимилиано. — Сил нет. Приезжают и думают, раз у них деньги, они здесь свои. Гнать бы их всех. Изгадили все побережье [12, с. 160].

Осмысление слов итальянца приводит к нескольким умозаключениям:

- Массимилиано говорит о надоевших русских обобщенно и при этом не исключает наших героев из их массы;
- он крайне раздражен поведением русских, соряющих деньгами, и их претензией на статус «своих»;
- считает, что обилие русских наносит урон природе Италии;
- хотел бы защитить родную землю от их нашествия.

Финальное высказывание Массимилиано со всей очевидностью показывает тщетность усилий героев рассказа сменить данную рождением национально-культурную идентичность и стать *настоящими итальянцами*.

Заключение

Проведенный анализ позволяет заключить, что заглавие «Варенье из каки» может быть семантизировано только в результате рефлексии читателя над полностью прочитанным текстом, в условиях завершившейся интеграции собственно текста и его имени, поскольку заглавие как рамочный знак требует не только проспективного, но и ретроспективного осмысления. Заглавие «Варенье из каки» выступает как некий парафраз главной мысли рассказа и в этом качестве становится способным произвести персуазивный эффект: без декларативной назидательности средствами иносказания убедить читателя в том, что невозможно получить (сварить, приготовить) новую прекрасную родину (лакомое варенье) из несъедобных, бросовых продуктов (каки), а именно из

огульного презрения к соотечественникам, из попытки отказаться от своей национально-культурной идентичности, из отречения от родного языка. По мысли М. М. Бахтина, родная, собственная культура «только в глазах *другой* культуры раскрывает себя полней и глубже. <...> Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур» [1, с. 354]. Герои рассказа имели, но не использовали шанс, погружаясь в чужую культуру, глубже познавать свою и тем самым питать себя из неисчерпаемых источников «своего» и «чужого».

Список литературы

55

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1986.
2. Веселова Н. А. Заглавие литературно-художественного текста (Антология и поэтика) : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998.
3. Виноградова Л. Н. Человек / нечеловек в народных представлениях // Человек в контексте культуры. Славянский мир. М., 1995. С. 17–26.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2006.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 2 : И–О. М., 1865.
6. Захаренко И. В. Архетипическая оппозиция «свой — чужой» в пространственном коде культуры // Язык, сознание, коммуникация : сб. науч. ст., посвященных памяти В. Н. Телия. М., 2013. Вып. 46. С. 15–31.
7. Козьма М. П. Заглавие как способ декодирования художественного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №10-1 (64). С. 85–87.
8. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996.
9. Лысенко В. Г. Познание чужого как способ к самопознанию (попытка ксенологии) // Россия в диалоге культур. М., 2010. С. 90–102.
10. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. Т. 4 : С–Я. М., 1988.
11. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004.
12. Степнова М. Л. Где-то под Гроссето : рассказы. М., 2024.
13. Суворова Е. В. Развитие концептуальных представлений о чуждости в социально-гуманитарных науках (XX–XXI века) // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2024. №3 (55). С. 150–164.
14. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.
15. Щербинина Ю. И., Михайловская Е. В. Методика работы с заглавием художественного произведения в рамках курса по языку современной британской короткой прозы для студентов-филологов // Преподаватель XXI век. 2023. №4, ч. 1. С. 140–153.

Об авторе

Анна Владимировна Корчагина — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: an.deowal2016@yandex.ru

AuthorID: 1220614

ORCID: 0009-0009-5118-9062

A. V. Korchagina

THE REALIZATION OF THE ARCHETYPAL SEMANTIC OPPOSITION
"THE OWN – THE ALIEN"
IN M. STEPNOVA'S SHORT STORY "KAKI JAM"

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 11 December 2025

Accepted 27 May 2026

doi: 10.5922/vestnikpsy-2026-3-5

56

To cite this article: Korchagina A.V. 2026, The realization of the archetypal semantic opposition "the own – the alien" in M. Stepnova's short story "Kaki Jam", *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №3. P. 48–56. doi: 10.5922/vestnikpsy-2026-3-5.

The article focuses on the dynamics of the linguistic realization of the archetypal semantic opposition "the own – the alien" in the context of Marina Stepnova's short story "Kaki Jam" ("Varenye iz kaki"). The study examines the semantic content and interaction of the components of the "one's own – the alien" opposition within the text of the story and identifies the key role of its opposing elements in the formation of the work's content-conceptual and subtextual information. Based on a linguopoetic analysis of the markers of "one's own" and "the alien" in the short story with the enigmatic title "Kaki Jam," the article concludes that the conversion of "the alien" into "one's own" is illusory and impossible when achieved at the cost of suppressing one's own national and cultural identity and renouncing the natural "one's own."

Keywords: archetypal semantic opposition, "the own – the alien", enigmatic title, content-conceptual information, linguopoetic analysis

The author

Anna V. Korchagina, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: an.deowal2016@yandex.ru

AuthorID: 1220614

ORCID: 0009-0009-5118-9062